

О понятии «география»

Дмитрий Замятин*

Аннотация. В статье рассматривается проблема кризиса современной позитивистской географии. Анализируются содержательные и логические противоречия, связанные с концепцией географического детерминизма. Исследуются понятия места, образа территории, географического образа в контексте имагинальной и гуманитарной географии. В целях содержательного преодоления кризиса современной географии предлагаются понятия сопространственности и геоспациализма.

Ключевые слова. География, географическое пространство, географический детерминизм, место, ландшафт, образ территории, географический образ, имагинальная география, сопространственность, гуманитарная география, геоспациализм

Современная география — прежде всего ее гуманитарное и культурно-социальное «крыло» — испытывает в настоящее время серьезные концептуальные, а в какой-то мере также экзистенциальные и онтологические изменения. Перестав быть к концу XX века наукой по преимуществу позитивистского образца, география оказалась на междисциплинарном когнитивном «перекрестке», где простого заимствования методов гуманитарных и социальных наук явно недостаточно. Необходимы осознание самих условий подобного онтологического перехода и поиск определенного метауровня, на котором станут более понятны принципы, цели и задачи дальнейшего развития. Такое осознание, по-видимому, невозможно без соответствующего эмоционального и экзистенциального контекста: включенный наблюдатель и исследователь должен находиться одновременно «внутри» и «снаружи» нащупываемого методологического пространства. На этой первоначальной стадии нужен особый тип текста или же эссе, который концентрирует в себе как методологическую, так и эмоциональную «энергетику», позволяющую увидеть в первом приближении перспективные области возможных концептуальных расширений.

В качестве условного образца нами взят известный текст Вальтера Беньямина «О понятии истории», содержание и структура которого очень хорошо, на наш взгляд, передают драматизм и глубину мучительных трансформаций социальных и социологических представлений об истории, происходивших на протяжении XIX — первой половины XX века на фоне бурной модернизации западных обществ, роста колониализма и империализма, невиданных ранее мировых войн, возникновения фашизма и сталинизма, тоталитарных диктатур, утилитарных ценностей массового общества.

* **Замятин Дмитрий Николаевич** — кандидат географических наук, доктор культурологии, руководитель сектора гуманитарной географии Института наследия (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва), metageogr@mail.ru

© Замятин Д., 2010.

© Центр фундаментальной социологии, 2010.

Мы попытались совершить методологический и эмоциональный перенос на сферу современной географии конца XX — начала XXI века, понимая естественную несоизмеримость социальных и общественных условий эпохи Бенямина и настоящего времени. Тем не менее «сосуд» Бенямина по своей онтологической форме представляется нам достаточно удобным для того, чтобы показать весь драматизм методологической и социальной ситуации в современной географии, приобретающей сейчас едва ли не меньшее значение, чем история. Мы попытались эффективно использовать очевидную и конкретную полемичность текста Бенямина, обострив, возможно, некоторые скрытые до сих пор или же скрываемые, «затушевываемые» методологические конфликты в гуманитарной, социальной и культурной географии. Нам важно было оставить без изменений формальную структуру текста Бенямина как условного образца, сохранив такое же количество главок и приложений и прибегнув ко многим риторическим оборотам и инвективам.

Наша задача — привлечь внимание исследователей в сфере социальных и гуманитарных наук к методологической ситуации в современной географии. В дальнейшем мы предполагаем показать и описать основные методологические и теоретические конфигурации гуманитарной географии в рамках нового текста, приближенного по своим формальным параметрам к привычным стандартам научного исследования, включая развернутую и упорядоченную библиографию.

I

Известна история про Монтестье. Как-то, читая роскошное французское издание Ибн Халдуна и задержавшись на одном особенно интересном фрагменте, трактующем зависимость между климатом и характером и государственным устройством народов, аббат, глядя в окно на серый парижский дождь, воскликнул: «Увы, мне не суждено понять столь блестящей теории, ибо я не рожден в столь жарком климате, как этот замечательный мусульманский философ!». На самом деле аббат был, конечно, неправ, поскольку географический детерминизм, проделав удивительные методологические трюки, проник в толщу и северной, и западной традиций мышления, на удивление хорошо тормозя всякие внешне наивные попытки выйти за когнитивные пределы физикалистского понимания географического пространства. Географический детерминизм до сих пор готов выйти на интеллектуальный поединок с любым посибилистским или образным пониманием пространства, лелея мечту окончательно выбросить этих когнитивных «выкидышей» на свалку географии.

II

Отто фон Бисмарк утверждал, что наиболее мощный и наиболее постоянный фактор, действующий в истории, — это фактор географический. В каком бы времени, исторической эпохе мы ни оказались, кто бы нас ни окружал, мы погружены в конкретное пространство, мы обладаем нашим единственным, уникальным географическим положением, мы всякий раз чувствуем, ощущаем шорохи, чуткие и осторожные движения, подвижки пространства. Запоминание ландшафта есть понимание ме-

ста, где мы находимся, мы постоянно движемся в сторону «нашего» пространства, в котором нам должно быть хорошо, где люди, знакомые, друзья, любимые женщины всегда воспринимаются в потоке пространства, становящегося сокровенными ландшафтами бодрствования или сна, радости или отчаяния. Но не так ли чувствует себя и любой другой, не я, он, ты — кто, оказываясь в моем пространстве, на самом деле создает, строит свои пейзажи, где я уже размещен, «нарисован», прочувствован, любим или ненавидим, и, следовательно, обеспечен гарантированным мне — теперь уже навсегда — местом. Мы всегда ощущаем в мистическом плане эту слабую силу собственного географического положения, дающую нам, в свою очередь, силы жить, продолжать жить именно в данном и никаком другом пространстве — здесь и сейчас. Географический детерминист об этом знает.

III

Путешественник, описывая все пункты своего путешествия, практически не делает между ними различия; он все их заносит в свой дневник, хотя и с разной подробностью описания и переживания, поскольку для земного пространства всякое место равноценно, любое место уже считается осмысленным для географии, ибо оно пройдено, через него уже проложен путь. Но мы также знаем, что даже самый великий путешественник, величайший поглотитель и «переживатель» пространства не может пройти все места, остановиться во всех точках земной поверхности, как бы ему этого ни хотелось, он не может досконально, на основании собственных впечатлений и переживаний описать все возможные пункты, сделав тем самым пространство тотально географическим, географическим по-настоящему, а не обыкновенным сводом камеральной статистики. И это значит только, что мы должны ощущать любое место, любой ландшафт, где мы находимся, как абсолютно полное, как всемерное пространство, дающее нам исчерпывающий образ географии, — но такое возможно лишь, когда мы начинаем уходить из только что обретенного места, покидать его, оставляя, казалось бы, это освоенное пространство воспоминаниям прошлого, но на самом деле «перекидывая», опрокидывая его в будущее, вовлекая тем самым равнодушную прежде историю в дела земного пространства, обеспечивая тылы географическому пространству с помощью незаметного преобразования его в историко-географическое пространство. Ландшафт историчен, но он историчен лишь тогда, когда время становится растянутым, преображенным моим путешествием, обращенным одновременно и назад, и вперед, в тоске по уже утраченному только что месту и в предвкушении обретения нового, еще более сладостного и прекрасного места — но само пространство подобного гарантировать не может.

IV

Но не только общий закон одной формы, а всех существенных форм, под которыми является природа на поверхности земного шара, как в самых крупных размерах, так и в самых

мелких на каждой отдельной точке этой поверхности, — должен быть здесь предметом исследования: ибо только из совокупности общих законов всех, как одушевленных, так и неодушевленных, коренных и главных типов земной поверхности — можно схватить гармонию всего, полного мира явлений.

Карл Риттер. «Введение к всеобщему сравнительному землеведению», 1818

«Размещение жизни», «пространственная организация населения и хозяйства», в конце концов, «территориальная организация общества» — это все понятия, трактующие географию с позиций весьма грубых и материальных, поскольку именно промышленность, сельское хозяйство, транспорт, города, инфраструктура, сфера обслуживания, университеты и театры мыслятся непререкаемыми двигателями пространства, его преобразующими и фиксирующими, — тогда как почти неощутимые образы, символы, представления, мифы о местах и пространствах вряд ли серьезно могут повлиять на то, что, как считается, надо видеть воочию. Подчас и неважно, что где-то на заднем плане можно утверждать пользу образов и символов территорий как неких дополняющих субстанций и категорий, лишь подтверждающих великую правду территориальной организации как таковой. Другое дело, что эти пресловутые образы территории, места, пространства или же культурные ландшафты вдруг начнут внезапно, внешне необъяснимо сигнализировать о чем-то другом в пространстве, о какой-то другой (непонятно где) территории, которая еще невидима и неслышима, неощутима в своих грубо материальных проявлениях, но она, несомненно, грядет. Геотропизм — вот то образное насыщение пространства, что предсказывает будущие места и ландшафты во всей их демографической и хозяйственной мощи, во всей паутине хайвеев и опико-волоконных коммуникаций. И даже виртуальные пространства, демонстрируемые все более услужливыми компьютерами — будучи «распатыми» на кресте технологически-хозяйственной необходимости, — вынуждены следовать позывам тайных и скрытых пространств, фиксируемых образно-символическими провидениями и вспышками. И в этом неприметнейшем из всех изменений географический детерминист и материалист должен разбираться.

V

Подлинный образ ландшафта проскальзывает мимо. Ландшафт только и может возникнуть как целостное пространство бытия-здесь, включающее все время разом, без остатка, но это значило бы, что пространство само по себе оказывалось бы неуловимым, не пойманным — на границе места и (другого) места — ибо лишь покидая место, ты можешь попытаться обрести его ландшафтом и в ландшафте. «...Пашинцев ударил себя по низкому черепу, где мозг должен быть сжатым, чтобы поместиться уму. — Да, тут, брат, всем пространствам место найдется. Так же и у каждого. А надо мной властвовать хотят!» — эти слова из «Чевенгура» Андрея Платонова, помеченные и размеченные на карте земной поверхности, созданной географизмом, показы-

вают как раз то место и тот ландшафт, в котором происходит аннигиляция, взрыв, уничтожение классического географического детерминизма, превращающегося в строго расчисленные теории и методики факторов пространственной организации. Ведь именно неуловимый образ ландшафта оказывается под угрозой исчезновения — там, где место становится совокупностью, точной суммой вполне определенных и неизблемых географических положений, пытающихся прекратить всякое расширение земного пространства.

VI

Географически артикулировать районом, территорией, местом не значит познать его таким, каким он/она предстает в своих физических, биологических, экономических, культурных размерах и показателях. Задача в том, чтобы овладеть местом там, где оно пытается вспыхнуть, возникнуть географическим образом. Географический детерминизм стремится к тому, чтобы зафиксировать географический образ максимально развернутым в сторону опасности, грозящей человеку, государству, цивилизации природными стихиями, геополитическими расчетами и экономико-географическими убытками. Опасность грозит и содержанию самой традиции восприятия места, и тем, кто ее воспринимает. И для того и для другого опасность заключается в одном и том же: в готовности стать инструментом жесткой географической причинности, оправдывающей господство или преимущество одного пространства над другим. В любом географическом положении необходимо вновь пытаться вырвать традицию у конформизма, который стремится воцариться над нею. Образ места появляется не только как избавитель от сухости географического счетоводства, но и как победитель тяжеловесных конструкций антипространственного характера. Даром высечь искру светящегося образами пространства наделен лишь географ, проникнувшийся мыслью, что враг, если он одолеет, не пощадит и пожелтевших от топографической неуместности времени путевых отчетов Колумба и Кука.

VII

Любой пейзаж кажется поначалу совершенно неупорядоченным и оставляет свободу выбора значения, которое можно ему приписать. Но разве над размышлениями об обработке земли, географических характеристиках, исторических и доисторических изменениях не преобладает высший смысл, который всегда предваряет, определяет и объясняет все остальное?

Клод Леви-Строс. «Печальные тропики», 1954–1955

For although we are accustomed to separate nature and human perception into two realms, they are, in

fact, indivisible. Before it can a repose for the sense, landscape is the work of the mind. Its scenery is built up as much from strata of memory as from layers of rock.

Simon Schama. «Landscape and memory», 1995

В «Путешествии в Стамбул» Иосиф Бродский пытается осмыслить образы Востока и Запада в их полувраждебной сцепке, исходя из явных визуальных символов великого города. Жан Бодрийяр пишет в своих путевых впечатлениях об Америке: «Америка представляет собой гигантскую голограмму в том смысле, что информация о целом содержится в каждом из ее элементов. Возьмите крошечную стоянку в пустыне, любую улицу любого городка Среднего Запада, парковку, любой калифорнийский дом, Буркеринг или «Студебеккер» — и перед вами вся Америка юга, севера, востока и запада». Лучшей характеристики приема, который важен для географического специалиста, и не придумать. Речь идет о приеме образно-расширяющей локализации. Истоки его игнорирования в классической географии, казалось бы, знакомой с методом мест-«ключей», — в лености и скудости воображения, не способной овладеть подлинным образом географии, вспыхивающим лишь на миг. У ученых монахов Средневековья, запертых в тесных монастырских кельях, она слыла подлинной причиной клаустрофобии. Пруст, знававший ее, говорил, что немногие догадаются, сколько ему пришлось сидеть в пыльной, обитой пробкой комнате, чтобы восстановить в памяти местности и страны своего детства. Природа этой клаустрофобии станет яснее, если задаться вопросом, как все же локализуется и размещается посредством собственной мысли последователь четкого географизма. Ответ неизбежно гласит: плоским картонным пространством топографии. А вся наличествующая в данной стране топография — это наследие всех предыдущих топографий, откладывающихся тяжелыми монотонными слоями на описываемой территории. Этого методологического обстоятельства для географического специалиста достаточно. Любое описанное место или страна до сего дня — среди размещаемых в пространстве топографии предыдущих локальных описаний; место есть место его описания, размещаемое и локализуемое этим описанием в строго расчисленном на квадратики-ячейки топографическом пространстве. Согласно давнему и не нарушаемому обычаю, местные достопримечательности, объекты культурного наследия, достопримечательные места сами по себе тоже облачают в хрустяще-блестящую упаковку традиционного страноведческого описания. Все это можно назвать символами территории. Географический специалист неизбежно относится к ним как сторонний наблюдатель. Потому что все доступные его воображению символы территории неизменно оказываются просто вырезанными из бумаги и картона, социологически массовидными и стандартными, плоскими фигурками, о которых он не может думать без содрогания. Эти символы обязаны своим существованием не только усилиям великих путешественников и географов, но и статистико-топографическому труду их безымянных современников. Не бывает достопримечательного места, которое не было бы в то же время местом безличным и однообразным. И подобно тому, как символы территории не свободны от процесса безликой стандартизации, фиксируемого даже самым пространственным и оригинальным

путеводителем, не свободен от него и процесс традиционного описания территории, благодаря которому они переходили из рук в руки, из одного слоя пространства в следующий. Поэтому по мере возможности географический специалист отстраняется от него. Он считает своей задачей чесать географию против шерсти.

VIII

Процесс воображения места учит нас, что переживаемое нами «хорологическое безразличие» («Кто в наше время разглядывает карту, изучает рельеф, прикидывает расстояния? Никто, разве что отпускники-автомобилисты». И.Бродский. «Путешествие в Стамбул») — не исключение, а правило. Нам необходимо выработать такое понятие географии, которое этому отвечает. Тогда нам станет достаточно ясно, что наша задача — создание действительно хорологического безразличия; тем самым укрепится и наша позиция в борьбе с позитивистской географией. Ее шанс не в последнюю очередь заключается в том, чтобы ее противники отнеслись к ней во имя пространственной справедливости как к научной норме. Изумление по поводу того, что умозаключения, которые мы принимаем, «еще» возможны в двадцать первом веке, *не* является философским. Оно не служит началом познания, разве что познания того, что представление о географии, от которого оно происходит, никуда не годится.

IX

Пейзаж выражает форму и [динамичную] структуру Неба и Земли. На лоне пейзажа ветер и дождь, тьма и свет составляют одухотворенный образ.

Ши-Тао. «Беседы о живописи»

Каждое такое построение указывает
Момент моего представления, где оно
Находится.
Не знаю, уменьшилась ли земля, или увеличилось сознание нашего
Искусства творить.
Но знаю, что рамки творчества расширились за
пределы
Горизонта земли.
Я расстаюсь с землей, в сознание проходят
токи,
И увеличивается разум.
Мы выходим за горизонт, к отрыву от
Земли, рассыпаясь в куполе пространства, опускаясь
по рассыпанным точкам.

Казимир Малевич

Надо отвыкнуть от того, что Земля есть большой глобус. Надо наполнить геометрическую цельность. Земля примерилась к миру звездному <с> помощью геометрии человека. Теперь она развернет свое затаенное магнитное напряжение. Солнце затопило Землю.

Борис Эндер. «Из дневников», 1922

У Михаила Матюшина есть картина под названием «Движение в пространстве». На ней изображено несколько параллельных полос разного цвета, пересекающих пространство холста по диагонали, не являющейся, однако, точно идущей от левого нижнего угла к правому верхнему. Распределение цвета полос в совокупности с общей энергетикой, порывом движения создает странное впечатление подъема на гору, откуда, казалось бы, откроется великолепный вид; но в то же время этот путь кажется тупиковым, ведущим в никуда, может быть, бесцельным. Мощь образного движения, пути куда-то вверх сочетается с постепенным выходом из зоны видимости и воображения остающихся позади и внизу пространств. Взгляд постоянно прикован к возможности ухода, покидания любого места этого пространства, но тем самым каждое покинутое место оказывается неиспользованной возможностью вернуться назад, восстановить образ в той же самой целостности и тождественности. То, что мы называем путешествием, и есть *эта* неостановимая утрата места.

X

Средневековые путешественники, стараясь отрешиться от страхов и переживаний пройденного уже пути, время от времени медитировали на выбранном возвышении или холме, глядя на раскинувшийся внизу огромный незнакомый город или же просто на облака. Ход мыслей, которым мы здесь следуем, был рожден аналогичным отношением к воображаемой истории географии. В тот момент, когда исследователи и профессора, бывшие надеждой противников позитивистской географии, повержены и подтверждают это поражение предательством своего дела, необходимо освободить мировое пространство географии от той псевдоментальной паутины, которой ее опутали. Рассуждение исходит из того, что тупая вера в последовательное и невозвратное, неотменимое освоение территории, простое кондовое расширение знаний о конкретном месте, статистические и математические модели географических процессов есть три стороны одного и того же. Оно пытается выработать понимание того, насколько *дорого* обходится нашему привычному мышлению представление о географии, избегающее всякой связи с самим представлением и с географическим образом, с которым эти географы не желают расставаться.

XI

Конформизм, с самого начала присущий позитивистской географии, отличает не только ее когнитивную тактику, но и ее территориальные представления. Он и

был причиной ее позднейшего интеллектуального краха. Ничто не коррумпировало в когнитивном смысле научно-техническую и художественную интеллигенцию в такой степени, как мнение, что мысль о территории, образ территории являются лишь производными от вполне статистико-описательного представления самой территории. Развитие производительных сил территории, рост материальной мощи культуры, преобразующей территорию, представлялись интеллигенции и интеллектуалам направлением того потока, который, как они были уверены, нес, собственно, и само географическое воображение. Отсюда был всего только шаг до иллюзии, что непосредственно видимый нами ландшафт, порождаемый культурно-экономическими и социально-политическими преобразованиями, представляет собой фактически географический образ. Старый добрый географический детерминизм обрел воскрешение в завуалированной и отстраненной форме у западных интеллектуалов и профессоров. Уже «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» Броделя не свободна от следов этого недоразумения. Она определяет пространство как своего рода культурный модификатор к имеющим быть историческим процессам. Предчувствуя недоброе, Хайдеггер возразил, что вещь, взятая в своей онтологической пред-явленности, есть само место бытия: «Думая о вещи как вещи, мы щадим существо вещи и отпускаем ее в область, откуда она осуществляется. Веществование есть при-близение мира. При-близение — существо близости. Щадя вещь как вещь, мы поселяемся в близком. При-близение близости — собственное и единственное измерение зеркальной игры мира». Несмотря на это, путаница нарастает, и через некоторое время Делёз и Гваттари провозглашают геофилософию как ментальный типовой продукт, порождаемый конкретной территорией: «Мысль — это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли... Движения детерриториализации неотделимы от территорий, открывающихся вовне, а процессы ретерриториализации неотделимы от земли, которая восстанавливает территории. Таковы две составляющих — территория и земля, а между ними две зоны неразличимости — детерриториализация (от территории к земле) и ретерриториализация (от земли к территории). Невозможно сказать, что из двух первично. Спрашивается, в каком смысле Греция явилась территорией философа или землей философии». Это вульгарно-материалистическое понимание того, что представляет собой ландшафт, не слишком задерживается на вопросе, как его интерпретация отражается на самих интеллектуалах, пока они не могут располагать ею. Оно восприимчиво лишь к прогрессу освоения пространства, но не к регрессу пространственных представлений. Оно уже обнаруживает технократические черты, позднее встречающиеся у теоретиков глобализации. К этим чертам принадлежит понятие пространства, роковым образом отличающееся от авангардных литературных и художественных утопий, предшествовавших консервативной «революции потребления» 1950–1970-х годов. Ландшафт, как он отныне понимается, сводится к простой когнитивно-дедуктивной отработке и «выжимке» географического пространства, к прямой когнитивной и также символической эксплуатации пространства, которая с наивным удовлетворением противопоставляется интеллектуальной эксплуатации картезианских моделей и опытов по механистическому заполнению внешне однородного пространства

какими-либо природными, культурными или экономическими объектами, равно — событиями. В сравнении с этой позитивистской концепцией фантазии, которые дали такую пищу для насмешек над людьми вроде Малевича, Хлебникова, Платонова, обнаруживают поразительно много здравого смысла. Согласно Платонову, результатом правильно организованного культурного ландшафта должны были быть: оттеснение тоскливых пространств небытия к горизонту предельной экзистенции, устойчивое воспроизводство образов пространства как феноменологических событий, обобществление самого пространства как максимально возможный географический образ и дистанционное управление бытием как пространством самого себя. Все эти видения служат иллюстрацией ландшафта, который, не эксплуатируя пространство, способен помочь ему проникнуть в сокровенную суть дремлющего внутри картезианских опытов бытия. В качестве дополнения коррумпированного понятия ландшафта выступает *такое* пространство, которое, как мог бы выразиться Башляр, дано нам во всей его благословенной пространственности. («Поэтика пространства»: «Задача — определить человеческую ценность пространств, всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых. Этим пространствам воздается хвала — при всем различии причин, при всем многообразии поэтических оттенков. Свойственная им реальная охранная ценность дополняется ценностями воображаемыми, и вскоре именно они становятся главными. Пространство, которым овладело воображение, не может оставаться индифферентным, измеряемым и осмысляемым в категориях геометрии».)

XII

География, твердо установленная в своей сущности как познание земных пространств, должна найти свое логическое оправдание с иной точки зрения, чем с точки зрения науки о Земле.

Альфред Геттнер. «География. Ее история, сущность и методы»

Субъект географического воображения — само земное, разнообразное пространство. У Башляра и Слотердайка оно выступает как последний свидетель и обвинитель, завершающий от имени дискриминированных мест и территорий дело освобождения ландшафта. Эта позиция, еще раз на короткое время ощущавшаяся в европейском литературном и художественном движении 1940–1960-х годов, с самого начала вызывала у марксистски ориентированных интеллектуалов чувство неудобства. За три десятилетия им удалось почти вытравить из памяти имена вроде Эрнста Юнгера и Карла Шмитта, одно звучание которых сотрясало устои географического воображения. Они удовлетворялись тем, что предложили внепространственные, беспространственные модели расколотых социальных и культурных пространств, присваиваемых и переприсваиваемых различными политическими, экономическими и культурными элитами. Тем самым они подрезали «становую жилу» пространства. В этой школе пространство оказалось пассивной когнитивной жертвой вполне силовых

традиционалистских марксистских воззрений и установок, успешно развивавшихся Анри Лефевром, Эдвардом Саидом, Дэвидом Харви. Но и присвоение пространства, и борьба за образы приемлемого пространства питаются лишь образом ущемленного бытия-без-пространства.

ХIII

Реструктуризацию национальных капитализмов, основанных на массовом производстве, массовом потреблении и социальном обеспечении, которая привела к послевоенному буму, независимо от того, рассматривается она сквозь призму пространственного закрепления или нет, следует понимать — больше, чем в какой-либо другой период в прошлом, — как глубоко пространственный процесс.

Эдвард Сойя. «Как писать о городе с точки зрения пространства», 2003

Теория позитивистской географии, а в еще большей мере практика определялась понятием освоения территории, не следовавшим воображению пространства, а имевшим догматические амбиции. Освоение территории, каким оно рисовалось в умах географов-позитивистов, было, во-первых, освоением общества (обществ) самого себя (а не только конкретных мест и ландшафтов, непосредственно занятых определенной общностью). Во-вторых, оно не имело завершения (в соответствии с бесконечной способностью человечества к различным территориальным адаптациям). В-третьих, по сути своей оно было неостановимо (как спонтанно расширяющееся движение крепко закрученной и распушенной часовой пружины). Каждая из этих характеристик противоречива и может быть подвергнута критике. Однако критика должна, если уж говорить всерьез, идти дальше этих характеристик и ориентироваться на нечто, присущее всем им. Представление об общественном освоении территории в географии неотделимо от представления о его постоянно расширяющемся и углубляющемся развитии, осуществляющемся в как бы пустом и гомогенном пространстве. Критика этого представления о расширяющемся и углубляющемся территориальном развитии должна служить основанием критики представления об освоении территории вообще.

XIV

Мы те, кто в наше время обратился к тому, чтобы создать в себе пространство для жизни, пространство, которого не было и которое, кажется, и не должно занимать место в пространстве.

Антонен Арто. «Нервомер»

География — предмет конструкции, место которой не пустое и гомогенное пространство, а пространство, становящееся «актуальным воображением». Так, для Хлебникова Азия была ландшафтом, заряженным актуальным политическим и культурным воображением, ландшафтом, который он вырывал из пространственного континуума. Русские евразийцы понимали свои работы как актуальное расширение географического образа России. Они описывали ландшафты и месторазвития Евразии так же, как СМИ, чуя очередной политический конфликт, моментально воспроизводят карты старинных империй и государств. У газет, журналов, Интернета чутье на «актуальное воображение», где бы то ни пряталось в гуще затерянных горизонтов. СМИ — тигринный прыжок внутрь конкретного места. Только он происходит на арене, на которой распоряжаются господствующие картезианские элиты. Тот же прыжок под вольным небом географии — прыжок воображения-сдвига, воображения вулканического, воображения метагеографического, как и понимал земное пространство Хлебников.

XV

Сознание подрыва континуума географии свойственно революционерам пространства в момент действия. Великие географические открытия ввели новые картографические проекции, радикально трансформирующие образ Земли. Место, которым начинается любой осмотр глобуса, работает как ментальная карта ускоренного географического воображения. И, в сущности говоря, это все то же место, постоянно расширяющееся в облике новооткрытой Америки, которая представляет собой другое небо и другое пространство. То есть современные карты и глобусы показывают пространство не так, как итинерарии и путеводители. Они — монументы того географического сознания, от которого в Европе, Северной Америке, Японии за последние сто лет не осталось, как кажется, и малейшего следа. Еще в эпоху знаменитых русских путешествий в Центральную Азию случались происшествия, в которых это сознание проявлялось в полной мере. Во время своего первого путешествия в Монголию и Северный Китай Пржевальский испытывал огромные трудности в картографической съемке территории, вынужденный скрывать ее от местного населения. С тем же сталкивались и другие русские путешественники — Роборовский, Грум-Гржимайло, Козлов. Тем большим было их эмоциональное удовлетворение от удачно проведенной съемки, ибо только она подтверждала по-настоящему в их собственных глазах истинный статус самого путешествия. В «Монголии и стране тангутов» Пржевальский писал: «Знай местный люд, в особенности китайцы, что я снимаю

на карту их страну, затруднения нашего путешествия увеличились бы вдвое, и едва ли бы мы могли свободно пройти по густонаселенным местностям. К великому счастью, в течение всех трех лет экспедиции я ни разу не был пойман с поличным, то есть с картой, и никто не знал, что я снимал свой путь».

XVI

Стороннику гуманитарной географии не обойтись без понятия сопространственности, представляющей собой не фиксацию, не застывание, а расширение, преобразование пространства. Ведь это понятие определяет именно *ту* сопространственность, в которой он воображает свою личную географию. Географизм устанавливает жесткий образ как бы объективированного места, географический имагинализм — опыт общения с ним, уникальный. Он предоставляет другим растрачиваться в борделе географизма на шлюху «Где-то-в-тридевятом-царстве-тридесютом-государстве». Он не теряет самообладания: ему достанет мужской силы взорвать континуум географии.

XVII

Географизм закономерно обретает свой венец во всемирной географии. С ней имагинальная география контрастирует методологически, возможно, более четко, чем с какой-либо другой. У всемирной географии нет теоретической арматуры. Ее принцип суммирующий: она предоставляет массу фактов, чтобы заполнить гомогенное, механистическое и пустое пространство. Что же касается имагинальной географии, то в ее основе лежит конструктивный принцип. Для воображения необходимо не только само пространство, но и его взрыв, расширение, экспансия. Там, где воображение в одном из «напряженных», эмоциональных, «неравнодушных» ландшафтов неожиданно взрывается, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в географический образ. Географический имагинализм подходит к географическому предмету исключительно там, где он предстает ему как образ. В этой структуре он узнает знак «небесного» расширения земных ландшафтов, иначе говоря: революционного шанса в борьбе за как бы объективированное место самого пространства. Он ухватывается за него, чтобы вырвать определенную местность, район из гомогенного заполнения пространства; точно так же он вырывает определенное место из района, определенный творческий ландшафт из творческого пути художника. Результат такого приема заключается в том, что удастся сохранить и сублимировать в одном этом творческом ландшафте — весь творческий путь, в одном этом месте — район, а в одном районе — все возможное пространство географии. Питательный плод географического познания пространство прячет *внутри* как драгоценное, но лишенное вкуса семя.

XVIII

В представлении об экономичном обществе/искусстве Малевич секуляризировал представление о воображаемом пространстве. И правильно сделал. Беда началась тог-

да, когда авангардисты возвели это представление в «чистое пространство». Чистое пространство определялось в супрематизме как «выход в белое». А супрематизм был школьной философией всех авангардистов второй волны — от Введенского и Хармса до Лучо Фонтаны и Ива Кляйна. Как только экономичное искусство было определено как «выход в белое», пустое и гомогенное пространство тут же превратилось, так сказать, в приемную, где более или менее спокойно можно было показывать расширяющие размещения. В действительности же нет ни одного места, которое не обладало бы *своим* расширяющим образом, — надо только понять его как специфический, как географический образ совершенно нового решения, предписанного совершенно новым видением. Образно-географический мыслитель получает подтверждение уникального географического образа исходя из данного ментального размещения. Но не в меньшей мере подтверждением служит ключевой акт насилия места над определенным, до того запертым покоем объективированного пространства. Проникновение в этот покой строго совпадает с ментальной акцией воображения, и именно этим проникновением акция, какой бы разрушительной она ни была, дает знать о себе как о «небесной».

XIX

Какой бы огромной ни была сфера мира, она существует и в конечном счете постигается лишь в том направлении, в котором (будь то вне пространства и времени) смыкаются ее линии. Более того, чем громаднее эта сфера, тем более богатым и, значит, более сознательным выступает пункт, в котором концентрируется охватываемый им «объем бытия»...

*Пьер Тейяр де Шарден. «Феномен человека»,
Пекин, 1938–1940*

Жалкие клочки освоенных *homo sapiens* территорий, акваторий и аэроторий Земли в отношении к географии органической жизни на Земле не более чем крохотный остров в безбрежном океане. География глобализированного человечества была бы, на самом деле используя этот географический образ, не более чем ничтожным пиратским фортом, укрывающим на острове награбленные сокровища. Актуальное воображение, резюмирующее, как модель «небесного» ландшафта, чудовищной силы расширением географию всего человечества, до последней линии совпадает с *тем* рельефом, который формирует в универсуме география человечества.

Приложение

A

Географизм удовлетворяется тем, что устанавливает каузальную связь между различными местами и ландшафтами. Но ни один факт не является, будучи причиной,

тем самым уже географическим. Он становится таковым задним числом, благодаря ситуативным размещениям, которые могут быть отделены от него огромными расстояниями. Исходящий из этого географ прекращает перебирать череду мест, словно четки. Он улавливает отношения, в которые вступает его собственный ландшафт с некоторым совершенно определенным ландшафтом отдаленного от него пространства. Так он закладывает основание понятия сопространственности как «актуального воображения», в которое вкраплены осколки «небесного» ландшафта.

В

Нет никаких сомнений, что поэты, вопрошавшие пространство о том, что оно таит в своем лоне, не воспринимали его ни как однородное, ни как пустое. Кто сможет живо представить себе это, получит, возможно, некоторое представление о том, как пройденное пространство переживается в процессе сновидения: точно так же. Как известно, древним китайцам было запрещено испытывать Небо. Зато Дао Дэ Цзин и Чжуан-цзы наставляли их в сновидении. Благодаря этому для них был расколдован ландшафт, под чары которого попадают те, кто прибегает к помощи поэтов. Однако поэтому ландшафт не был для китайцев однородным и пустым пространством. Потому что в нем каждый сантиметр был маленькой калиткой, в которую могло войти Небо.